

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Первая тетрадь	9
Вторая тетрадь	31
Третья тетрадь	99
Послесловие	184

ВСТУПЛЕНИЕ

Этого человека мне довелось увидеть на трех фотографиях.

На одной из них, которую, пожалуй, следовало бы назвать детской, ведь на ней ему лет десять, этот ребенок снят преимущественно в женском окружении (то есть среди старших и младших родных сестер, а также, видимо, двоюродных) возле садового пруда: одетый в хакама в широкую полоску, он стоит, сильно наклонив голову влево, и противно усмехается. «Противно»? Недалекие люди, иными словами, те, кому нет дела до красоты и уродства, с совершенно равнодушным видом отозвались бы на этот снимок заученно-льстивым «симпатичный мальчик» — не то чтобы на улыбающемся лице

этого ребенка не просматривалось ни тени банальной «симпатичности», оправдывающей лесть, — имеющие же хотя бы немного наметанный взгляд на то, что красиво или уродливо, немедленно с явной и острой неприязнью процедили бы сквозь зубы: «Вот же гадкий мальчишка» — и, возможно, оттолкнули бы снимок тем же жестом, каким смахивают мохнатую гусеницу.

Действительно, если присмотреться к улыбающемуся лицу этого ребенка, возникает смутное, неприятно жуткое чувство. Начнем с того, что это не улыбка. Этот ребенок и не пытается улыбаться. Свидетельство тому — что он стоит, крепко сжав кулаки. Сжимать кулаки и в то же время улыбаться свойственно не человеку. А обезьяне. Это мартышка усмехается. И то лишь из-за неприятных морщин. Так и тянет выпалить: «Мелкий старикашка» — и впрямь в выражении лица на этом снимке есть нечто очень странное, нечто отталкивающее и неестественно-тошнотворное. Ребенка с таким необъяснимым выражением лица я прежде не видел никогда.

Лицо на втором снимке тоже изумляет разительностью перемены. Перед нами учащийся. Какой поры этот снимок, школьной или студенческой, неясно, но так или иначе, этот учащийся на редкость хорош собой. Но и он, что еще более странно, не производит впечатления живого человека. Одетый в ученическую форму, с торчащим из нагрудного кармана белым платком, он сидит в плетеном кресле, закинув ногу на ногу, и, как и следовало ожидать, улыбается. Эта усмешка уже не морщинистая-обезьянья, а довольно-таки тонкая, но чем-то непохожая на человеческую. Ни плотской весомости, ни, так сказать, витальности, никакого ощущения содержательности, именно что легкость даже не птицы, а перышка, всего лишь листочка бумаги — вот что в его улыбке. Словом, впечатление подделки от начала до конца. «Претенциозность», «поверхностность», «хлыщеватость» — ни одно из этих слов не передает его в полной мере. Как, разумеется, и «щегольство». Вдобавок, если присмотреться, в лице этого красавчика-учащегося, как и прежде, начинает ощущаться

нечто зловещее, словно из кайданов. Юноши, привлекательность которого настолько озадачивает, я прежде не видел никогда.

И еще один снимок, самый мистический. Опять-таки совершенно непонятно, к какому времени он относится. В волосах заметна седина. На этот раз все тот же человек, сидя в углу страшно запущенной комнаты (на снимке отчетливо видно облупившуюся в трех местах стену), греет обе руки над маленькой хибати, и у него на лице уже нет улыбки. И вообще никакого выражения. Есть в этой фотографии что-то по-настоящему отталкивающее, некий оттенок дурного предзнаменования, как будто человек, сидя и грея руки над хибати, в то же время естественным образом умирает. И эта странность в нем не единственная. На последней фотографии лицо получилось сравнительно крупным, и мне удалось подробно изучить его черты — ничем не примечательный лоб, как и морщины на нем, и брови, и глаза, и нос, и рот, и подбородок: да, лицо, не просто лишенное выражения, но и не напоминающее. Без каких-либо особенностей.

ЧЕЛОВЕК НЕДОСТУПНЫЙ

Допустим, посмотришь на этот снимок и закроешь глаза. И сразу же забываешь запечатленное на нем лицо. Стены комнаты или маленькую хибати вспомнить удастся, а вот впечатление от главного героя действия, происходящего здесь, рассеивается как дым и не вспоминается, как ни старайся. Его лицо не сходится на портрет. Не сойдет и для манги. Откроешь глаза: а, так вот оно какое, это лицо, и даже вспомнив его, не испытываешь никакого удовольствия. Если выразиться предельно резко, этот снимок не запоминается и со второго раза. И это раздражает так неприятно, что невольно отводишь взгляд.

Даже так называемая «печать смерти» на лице или была бы выразительнее, или производила бы более глубокое впечатление, а в этом случае у зрителя возникает чувство отвращения, заставляя его содрогнуться, как если бы к человеческому телу приклеили голову коня. Мужчины с настолько непонятным лицом я прежде не видел никогда.

ПЕРВАЯ
ТЕТРАДЬ

Постыдно прошла вся моя жизнь.

Если речь о человеческой жизни, представления о ней у меня нет. Я родился в сельской местности района Тохоку, так что поезд впервые увидел, когда был уже довольно взрослым. Совершенно не сознавая, что пешеходный мост построен просто для перехода через железнодорожные пути, я поднимался на него и спускался, и считал его устроенным на станции затейливо-увлекательным, модным увеселением на иностранный манер. Так я думал довольно долго. Подъем на мост над путями и спуск с него я воспринимал как лучшее, самое утонченное развлечение во всем железнодорожном сервисе, наиболее продуманную из его услуг, и когда позднее узнал, что это не что иное как сугубо утилитарная лестница для пере-

хода пассажиров через рельсы, ее очарование
вмиг рассеялось.

Точно так же мне, тоже в детском возрасте увидевшему в книжке с картинками подземку, не пришло в голову, что она придумана в силу потребности, чтобы ездить на поездах под землей, а не как экзотическое и занимательное увеселение.

Будучи болезненным ребенком, я, подолгу прикованный к постели, часто и подробно разглядывал простыню, наволочку, пододеяльник и думал, какой скучный на них рисунок, а когда лет в двадцать узнал, что это дешевый обиходный товар, был обескуражен и удручен людской скупостью.

Не знал я и того, что значит голодать. Нет, это выражение я употребляю не в том нелепом смысле, какой дает понять, что я рос в зажиточном доме, — мне вообще было невдомек, что такое чувство голода. Как ни странно, даже когда в животе бывало пусто, я этого не сознавал. И в младших, и в средних классах, стоило мне вернуться домой после уроков, домашние принимались хлопотать вокруг меня: «Есть хочешь, небось?»

ЧЕЛОВЕК НЕДОСПОЙНЫЙ

Мы-то помним, каково это — возвращаться после школы совсем голодным. Может, аманатто? Есть и кастелла, и булочки» — и я, по натуре всегда стремясь угодить, бормотал, что есть хочу, брал с десятков аманатто, набивал рот, но так и не понимал, почему меня считают голодным.

Да, ем я много всего, но почти не припомню, чтобы ел что-нибудь из чувства голода. Ем то, что считаю изысканным. И то, что считаю роскошью. В гостях ем все, что мне подают, пусть и через силу. А в детстве определенно ничто не причиняло мне больше мучений, чем трапезы в окружении родных.

В нашем провинциальном доме все члены семьи, человек десять, садились есть лицом друг к другу за отдельные низкие столики, расставленные двумя рядами, при этом я, как самый младший, сидел в дальнем конце, и от угрюмого молчания, в котором все десять человек поглощали еду, в тускло освещенной комнате воцарялась такая атмосфера, что меня пробирал озноб. Из-за старинных обычаев, которых придерживались в нашем провинциальном доме, блюда по-